

*„Не поражать, преслѣдовать и
истреблять злодѣевъ, а возвращать
на путь исправленія черезъ истре-
бленіе млы, духъ ихъ помрачившей“.*

*(Изъ рескрипта Импер. Екате-
рины II, отъ 29 іюня 1774 года).*

Предисловіе.

Споръ о томъ, прирожденныя ли свойства организма или соціальныя условія порождаютъ преступленія, намъ кажется, въ такомъ видѣ продолжаться далѣе не можетъ. Споръ становится безплоднымъ по своей односторонности.

Собранныя по настоящее время данныя, относительно генеза преступленія, ясно указываютъ, что оно совершается не въ силу дѣйствія одной какой - нибудь исключительной причины, а въ силу совокупности вліянія многихъ, крайне сложныхъ условій. Объяснять преступленія вліяніемъ исключительно соціальнымъ, или исключительно выраженіемъ прирожденныхъ свойствъ организма, также односторонне и недостаточно, какъ основывать различіе народностей исключительно на различіи ихъ языка, или одного только цвѣта кожи.

Поэтому является насущная необходимость, разбирая условія возникновенія преступленія, отличать главнѣйшія, существенныя условія, отъ менѣе важныхъ, второстепенныхъ и случайныхъ, и путь этотъ, въ настоящее время въ главнѣйшихъ чертахъ указанъ криминальной антропологіей.

Вліяніе анатомическихъ данныхъ и связанныхъ съ ними функциональных отправленій въ сферѣ психической и нравственной, не могутъ подлежать сомнѣнію въ дѣлѣ генеза преступленія. Многочисленные примѣры людей выросшихъ и воспитавшихся при совершенно тождественныхъ условіяхъ, и тѣмъ не менѣе проявившихъ при одинаковыхъ

обстоятельствахъ совершенно различныя наклонности, при чемъ одни совершали преступленія, другія оставались честными — примѣры эти столь обыденные, насъ несомнѣнно убѣждаютъ въ рѣзко выраженныхъ индивидуальныхъ особенностяхъ отдѣльныхъ лицъ. Отвергать вліяніе прирожденныхъ индивидуальныхъ свойствъ—значить отвергать всѣ основы современной біологіи, начиная съ наслѣдственности.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что нравственныя отклоненія не составляютъ еще преступленія; онѣ представляютъ лишь могущественную предрасполагающую причину къ возникновенію преступленія.

Подобно тому, какъ лимфатизмъ не составляетъ еще бугорчатки, а лишь располагаетъ данный организмъ, болѣе всего остальнаго, къ полученію этой болѣзни. Точно также анатомическія особенности, совмѣстно съ нравственными отклоненіями, всего болѣе предрасполагаютъ данный организмъ къ зарожденію въ немъ преступленія; но чтобы это преступленіе совершилось, необходимо еще вліяніе другихъ причинъ, и тутъ на первомъ планѣ выступаетъ вліяніе социальныхъ условий, — вліяніе среды, примѣра и воспитанія. Какъ для того, чтобы лимфатизмъ выразился въ бугорчаткѣ, необходимо зараженіе, совершенно одинаково, необходимо вліяніе социальныхъ условий, воспитанія, примѣра или неблагоприятной случайности, чтобы расположенный къ преступленію сталъ преступникомъ.

Условія жизни въ одномъ случаѣ, и воспитаніе въ другомъ, играютъ существенную роль.

Это еще рѣзче выражается у потомства умалишенныхъ. Никто въ настоящее время не сомнѣвается въ томъ, что психическое разстройство всего чаще возникаетъ на почвѣ наслѣдственнаго предрасположенія. И однако далеко не всѣ, рожденные при подобнаго рода условіяхъ, и имѣющіе это предрасположеніе, кончаютъ психическимъ разстройствомъ. Нужны извѣстныя условія, чтобы наслѣдственно предрасположенный къ сумашествію, дѣйствительно, сошелъ съ ума. Правда, вліяніе этихъ условий на вполне здоровый организмъ не обусловитъ въ немъ психическаго разстройства; у на-

слѣдственно же предрасположеннаго — быстро вызоветъ его. Совершенно то же самое при наслѣдственномъ предрасположеніи къ преступленію.

Неблагопріятныя условія жизни, воспитанія, примѣра, или случайность, легко преодолюваема безъ нарушенія нравственныхъ началъ здоровымъ организмомъ, вовлекаютъ предрасположеннаго къ совершенію преступленія. Поэтому нельзя, на основаніи анатомическихъ данныхъ, или прирожденныхъ нравственныхъ отклоненій, на основаніи только однихъ этихъ условій считать человѣка преступникомъ. Въ этомъ смыслѣ, типъ прирожденнаго преступника Ломброзо долженъ быть отвергнутъ.

Точно также, какъ нельзя на основаніи характерно выраженнаго лимфатизма признавать человѣка страдающимъ бугорчаткою. Но какъ анатомическое выраженіе лимфатизма придаетъ данному субъекту тѣ особенности, по которымъ мы опредѣляемъ это состояніе и считаемъ послѣднее какъ наиболѣе предрасполагающую причину къ заболѣванію бугорчаткою; точно также, по тѣмъ анатомическимъ и нравственнымъ особенностямъ, прирожденныхъ большинству преступниковъ, мы считаемъ эти особенности за выраженіе предрасположенія къ преступности, считаемъ тщательное изученіе ихъ главнымъ и основнымъ условіемъ къ изученію генеза преступленія.

Если опытный врачъ, по внѣшнему виду легко опредѣляетъ лимфатическаго субъекта, то нѣтъ ничего удивительнаго, что при дальнѣйшемъ развитіи криминальной антропологии, опытный изслѣдователь будетъ въ состояніи по внѣшнимъ признакамъ и нравственнымъ особенностямъ субъекта, опредѣлить его предрасположеніе къ преступленію.

Въ этомъ смыслѣ понимаемый типъ Ломброзо долженъ существовать.

Мало того, въ наиболѣе рѣзкихъ своихъ проявленіяхъ онъ уже намѣченъ. Кто не узнаетъ, на примѣръ, по образцовому описанію, сдѣланному д-ромъ Маньяномъ, его неуравновѣшенныхъ (*déséquilibrés*)—а это есть именно тотъ ярко

выраженный типъ, изъ котораго всего чаще вырабатываются преступники.

Преступленіе въ смыслѣ криминальной антропологіи имѣетъ совершенно другое значеніе, чѣмъ въ юридическомъ.

Не тяжесть преступленія, не степень приносимаго имъ вреда отдѣльнымъ личностямъ или обществу, не ловкость, съ которою преступленіе совершается и съ которою оно задумано,—имѣютъ значеніе для антрополога.

Напротивъ, слабыя по степени преступленія, но часто, повторно совершаемыя, служатъ наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ извѣстныхъ нравственныхъ недостатковъ и тѣмъ заслуживаютъ со стороны антрополога наибольшаго вниманія.

Повторность преступленія—вотъ главный, существенный коэффиціентъ преступной наклонности, какъ выраженіе неуравновѣшенности даннаго организма. Поэтому - то, въ преступленіяхъ, наиболѣе тяжелыхъ, каковы, напримѣръ, убійства,—преступленія, гдѣ кромѣ врожденныхъ отклоненій, случайность играетъ огромную роль, въ этихъ преступленіяхъ всего труднѣе отличить преступниковъ, дѣйствующихъ въ силу врожденныхъ недостатковъ, отъ преступниковъ случайныхъ, въ обширномъ значеніи этого слова.

Напротивъ,—тамъ, гдѣ преступленіе повторяется часто, гдѣ данное лицо постоянно и всегда одинаково, въ формѣ опредѣленнаго преступленія, отвѣчаетъ на извѣстныя условія, — тамъ группа прирожденно предрасположенныхъ преступниковъ выдѣляется рѣзче. Наконецъ, эта группа становится еще болѣе обширной, ярче обрисованной въ той средѣ, ежедневная жизнь которой есть непрестанное погрѣшеніе всѣхъ нравственныхъ началъ. Вотъ почему всего яснѣ анатомическія, и, связанныя съ ними, нравственныя отклоненія мы могли замѣтить въ классѣ привычныхъ проститутокъ. Слабѣе они были выражены у воровокъ и еще слабѣе у убійцъ.

Эта относительная слабость анатомическихъ отклоненій, полученныхъ мною у разбираемыхъ въ настоящей работѣ

женщинъ-убійць, нисколько не заставляеть меня сомнѣваться въ правильной постановкѣ вопроса о разработкѣ генеза преступленія. Эта недостаточность яркихъ отклоненій въ наблюденныхъ мною женщинахъ-убійцахъ, главнымъ образомъ, объясняется недостаточностью и несовершенствомъ существующихъ нынѣ методовъ изслѣдованія въ области криминальной антропологіи, методовъ, еще слишкомъ грубыхъ и первобытныхъ.

Лѣтъ около 25 тому назадъ, впервые начали говорить о низшихъ организмахъ — бактеріяхъ, какъ о производящей причинѣ различныхъ инфекціонныхъ болѣзней. Велись горячіе споры за и противъ, пока, наконецъ, были усовершенствованы микроскопы, введены правильныя культуры, — однимъ словомъ, были выработаны надлежащіе методы изслѣдованія, благодаря которымъ было несомнѣнно доказано существованіе микроорганизмовъ возвратнаго тифа, бациллъ бугорчатки, холеры, дифтерита, лепры, и т. п. Примѣръ этотъ до нѣкоторой степени примѣнимъ и къ криминальной антропологіи: всѣ тѣ спорныя и разнорѣчивыя показанія и противопоказанія относительно существованія, или отсутствія анатомическихъ и психическихъ аномалій у преступниковъ — споры, раздѣляющіе наблюдателей на два лагеря, должны пасть сами собою при введеніи болѣе усовершенствованныхъ, и главное болѣе точныхъ, методовъ изслѣдованія въ области біологіи.

Великая основная мысль Ломброзо, что преступленіе совершается въ большинствѣ случаевъ въ силу врожденныхъ или приобрѣтенныхъ отклоненій и недостатковъ организаціи — эта мысль безспорно чревата послѣдствіями. Если не злая воля, а недостатокъ и неправильность развитія организма влекутъ къ преступленію, то понятно, что наказаніе, какъ *возмездіе* за преступленіе, теряетъ всякое значеніе. Безсмысленность и жестокость наказанія за прирожденный недостатокъ — въ настоящее время понятна каждому. И все заставляеть предполагать, что въ настоящемъ столѣтіи, мысль великаго гуманиста Ломброзо найдетъ себѣ болѣе полное приложеніе.

Подобно тому, какъ въ концѣ XVIII-го вѣка, безсмертный Пинель освободилъ отъ оковъ умалишенныхъ, наказываемыхъ за воплощеніе въ нихъ злаго духа,—такъ въ настоящемъ столѣтіи не будутъ болѣе наказывать злую волю преступниковъ, а будутъ пользоваться ихъ немощи и исправлять недостатки.

Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ замѣтить, что многіе современные изслѣдователи, въ особенности же юристы, предъявляютъ криминальной антропологіи чрезмѣрные и несоотвѣтственныя требованія.

Они требуютъ отъ нарождающейся науки прямого и опредѣленнаго отвѣта на всѣ тѣ вопросы, которые возникаютъ изъ практическаго приложенія основной мысли о прирожденныхъ свойствахъ преступника. Какъ будто криминальная антропологія должна дѣлать исключеніе въ ряду всѣхъ прочихъ біологическихъ наукъ и давать немедленные, категорическіе отвѣты на всѣ практическіе вопросы жизни.

Соединить многочисленные, даже рѣзко выраженные симптомы, въ связную, цѣльную картину опредѣленной болѣзни, и объяснить эти симптомы соотвѣтственно, точно опредѣленными анатомическими измѣненіями, всегда составляло одну изъ труднѣйшихъ задачъ науки о больномъ и здоровомъ человѣкѣ.

Сколько прошло столѣтій съ тѣхъ поръ какъ врачи изучаютъ сифилисъ, и по настоящее время мы не имѣемъ его полной симптоматологіи. Сколько столѣтій извѣстна намъ бугорчатка, и только въ послѣднія 15 лѣтъ мы видимъ попытки объединить отдѣльные, давно намъ извѣстные симптомы въ общую картину болѣзни. На нашихъ глазахъ, трудами великихъ невропатологовъ, обрисовывается картина истеріи, симптомокомплексъ которой такъ обширенъ, такъ богатъ яркими проявленіями, и объ анатомическомъ субстратѣ которой мы продолжаемъ не знать еще и перваго слова.

Давно-ли намъ стали извѣстны локализациі пораженій мозга при нѣкоторыхъ формахъ эпилепсіи? Давно-ли мы можемъ анатомически объяснить афазію, аграфію и т. п.

Такимъ образомъ нужны столѣтія трудовъ, массы наблюденій, опытовъ и изслѣдованій, чтобы воспроизвести полную, связную картину какой-либо опредѣленной болѣзни, даже выражающейся многочисленными и рѣзкими, характерными, очевидными для всѣхъ, проявленіями.

Что-же удивительнаго, если для разъясненія сложной картины преступленія, для опредѣленія тончайшихъ уклоненій нравственныхъ, и трудно опредѣлимыхъ соотвѣтственныхъ измѣненій анатомическихъ, потребуется, быть можетъ, даже болѣе времени, чѣмъ это было нужно, чтобы объяснить діавольское навожденіе, чудеса внезапнаго исцѣленія, и тайныя внушенія — простою истеріей.

Современные изслѣдователи кладутъ первые камни для устройства той основы, на которой воздвигнется обширное зданіе криминальной антропологіи, и нельзя теперь судить о тѣхъ видахъ и перспективахъ, которые откроются съ его верхушки. Но чтобы сохранить зданіе, фундаментъ его долженъ быть построенъ изъ прочнаго матерьяла; такъ и основанія всякой науки должны быть созидаемы на точныхъ данныхъ, добросовѣстныхъ наблюденіяхъ и осторожныхъ выводахъ.

Прежде чѣмъ построить зданіе, нужно приготовить матерьялъ. На нашъ настоящій трудъ, копотливый и невидный, мы смотримъ какъ на подвозку матерьяловъ, которые и предоставляемъ будущимъ зодчимъ для дальнѣйшей кладки зданія криминальной антропологіи, еще ожидающей своего обобщителя, — того синтетическаго ума, который объединитъ въ одно стройное цѣлое отрывочные факты и данныя, нынѣ въ изобиліи представляемые отдѣльными наблюдателями.

II. Тарновская.

Апрѣль 1901.
С.-Петербургъ.

Глава I.

Оцѣнка матерьяла и способъ изслѣдованія.

При изученіи новаго предмета, всего удобнѣе имѣть дѣло съ наиболѣе простыми и рельефными его проявленіями, не усложненными случайными условіями, затемняющими его выдающіяся черты.

Для изученія женщинъ-убійцъ съ точки зрѣнія уголовной антропологии, этой еще столь юной науки, нашъ крестьянскій деревенскій бытъ представляетъ выполнѣ подходящую среду изслѣдованія, такъ какъ жизненные условія его очень первобытны. Поэтому наше настоящее изслѣдованіе имѣетъ предметомъ женщинъ-убійцъ почти исключительно изъ крестьянской среды.

Въ общемъ, убійства, совершенныя горожанками, встрѣчались намъ рѣже, и на столько же отличались по своему характеру отъ убійствъ, совершенныхъ деревенскими жительницами, поскольку и сама жизнь, и развитіе деревенской крестьянки отличается отъ крестьянки, вкусившей жизни городовъ.

Считая необходимымъ условіемъ удовлетворительности работы однородность матерьяла въ смыслѣ расы, я выбирала для своихъ изслѣдованій женщинъ-убійцъ одинаковой національности, исключая изъ наблюденій, какъ бы интересны они ни были, всѣ тѣ случаи, гдѣ, при ближайшемъ ознакомленіи, одинъ изъ родителей оказывался не кореннымъ русскимъ по рожденію. Такимъ образомъ, приходилось откинуть всѣхъ осужденныхъ, одинъ изъ родителей которыхъ былъ уроженцемъ Финляндіи, Балтійскихъ губерній, Западнаго Края, равно какъ и Кавказа, или происходилъ отъ казанскихъ или крымскихъ татаръ, или иныхъ инородцевъ. Мы исключали также всѣхъ женщинъ заведомо имѣвшихъ въ своемъ восходящемъ поколѣніи евреевъ и армянъ. Строго исключая

